

**Карбышев
Дмитрий Михайлович**

Герой Советского Союза
Генерал-лейтенант инженерных войск

Написано много книг,
документальных и
художественных, сняты
фильмы, героической
жизни и не менее
героической гибели Д.М.
Карбышева. Есть много
воспоминаний бывших
узников
концентрационных
лагерей, в которых
прослежен долгий и
мучительный путь
генерала-героя по десяти
кругам фашистского ада

22 июня 1941 года.

Граница.

Местечко Мосты близ города Гродно.

Совесьь воина и патриота, испытанного войнами, повелела ему остаться с теми, кто вступил в смертельную схватку с ненавистным и коварным врагом. Ведь многие из них были его учениками. А настоящий учитель не может оставить своих питомцев в беде.

«Я солдат, а солдату в такой момент уезжать нельзя. Я не могу бросить фронт»

Попав в руки врага контуженным, в бессознательном состоянии, Дмитрий Михайлович вёл себя непреклонно и мужественно, поднимал дух и укреплял веру в победу советского народа у всех узников концентрационных лагерей

Июль-август 1941 года. Лагерь Острув-Мазовецки на польской земле

«Надо прорываться к своим,» — призывал Д.М.

Карбышев. Как раз в те месяцы, пока в лагере находился генерал, были случаи побегов узников. Сочтя опасным дальнейшее пребывание Дмитрия Михайловича в лагере, в сентябре 1941 года его пересылают в концлагерь Замосць.

Замосць. Польша. 1941 год

Вместе с ним в гитлеровском плену томятся тысячи наших бойцов и командиров. Те немногие, кто уцелел, в один голос называли Карбышева своим спасителем. Дмитрий Михайлович поддерживает в людях твёрдость духа. Для многих — он символ железной воли, несокрушимой убеждённости в победе.

И в Замосць по призыву Карбышева начались побеги; группа заключённых повела подкоп из пустовавшего барака в сарай, который принадлежал живущему близ лагеря поляку.

Генерал просил запомнить и передавать всем неписанные правила поведения советских людей в фашистском плену, которые он составил.

Вот они:

- Организованность и сплочённость в любых условиях плена.
- Взаимопомощь. В первую очередь помогать раненым и больным товарищам.
- Ни в чём не унижать своего достоинства перед лицом врага.
- Высоко держать честь советского воина.
- Заставить фашистов уважать единство и сплочённость военнопленных.
- Вести борьбу с фашистами, предателями и изменниками Родины.
- Создавать патриотические группы военнопленных для саботажа, вредительства и диверсий в тылу врага.
- При первой возможности совершать побеги из плена.
- Оставаться верными воинской присяге и своей Советской Родине.

Хаммельбург (гнилой лагерь). Осень 1942 года.

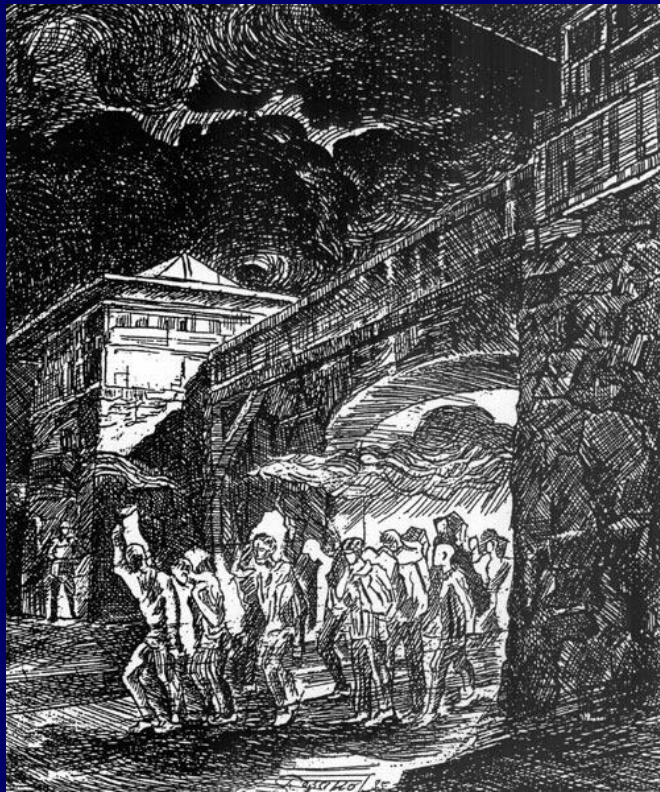
Началась вербовка военнопленных в так называемую «Русскую освободительную армию»-РОА, входившую в состав немецко-фашистских войск. На уговоры переменить голодное лагерное существование на «роскошную жизнь» генерала вермахта Карбышев отвечал категорически:

« Убеждения не выпадают вместе с зубами из-за недостатка витаминов в лагерном рационе...»

Спрашивали, чего бы он хотел от гитлеровского правительстваа, чтоб перейти из советского подданства в немецкое?

Отвечал: *« Родины не торгуют.»*

Дмитрия Михайловича заточили в одиночку гестаповской тюрьмы в Берлине на Принц Альберт-штрассе,5.

Это произошло после того как на него заорал немецкий генерал: «Чего же вы хотите? Денег? Назначайте цену, сколько?» Едва стоявший на ногах, иссохший, постаревший, тяжело больной Карбышев в ответ плюнул в искажённую злобой физиономию фашиста.

После этого целые полгода над ним издевались, прибегали к шантажу и провокациям. Но не сломали волю коммуниста. Отправили в лагерь. Оттуда перевели в другую гестаповскую тюрьму в Нюрнберге. И снова всё по кругу. Не добившись своего, фашисты обрекли Карбышева на верную гибель.

На его деле размахисто, красным карандашом нанесена резолюция: « **Направить в концлагерь Флоссенбург на каторжные работы. Не делать никаких скидок на звание и возраст**».

«Плен - страшная штука, но ведь это тоже война, и, пока война идёт на Родине, мы должны бороться здесь. Поступайте так, как нужно в интересах Родины, и говорите всем, что это я вам приказал!»

Как-то, работая на каменоломне и обрабатывая надгробные гранитовые плиты, Дмитрий Михайлович сказал: «Мне нравится моя работа. Ведь чем больше этих плит требуется Германии, тем лучше наши успехи на фронте!»

«Бодрей товарищи! Думайте о своей Родине, и мужество вас не покинет!»

Фашисты перебрасывали его из одного лагеря смерти в другой. Майданек, Освенцим, Заксенхаузен – всюду вдохновлял участников борьбы с фашизмом, ни на йоту не терял мужества и подбадривал тех, кто впадал в апатию, кого угнетало чувство безнадежности.

17 февраля 1945 года в 12 часов дня Дмитрия Михайловича привезли в Маутхаузен.

Его отобрали в особую группу и подвергли садистской изощрённой казни. Не петлёй, не газом, не огнём, а водой. Узникам велели догола раздеться. При двенадцатиградусном морозе, на лютном ветру их держали несколько часов на площади.

Для многих и такая экзекуция была невоготу. Коченели, падали бездыханными. Остальных затолкали в баню, под горячий душ. Оттуда – обратно на площадь, под нацеленные брандспойты. Уцелевших в баню, а оттуда – опять на площадь...

Один за другим превращались в ледяные изваяния люди.

Очевидцы рассказывают, что среди мечущихся по площади людей выделялся один измождённый седовласый человек. Он не кричал, не проклинал палачей! Он обращался к тем, кто оставался на земле:

« Бодрей, товарищи! Думайте о своей Родине и мужество вас не покинет!...»

Кто был этот старик, медленно и неумолимо превращавшийся в ледяной памятник?

Карбышев! Дмитрий Карбышев!

Советский генерал!

Но такая смерть не утратила оставшихся в живых. Она пробудила даже в самых отчаявшихся стремление, волю к борьбе. Через короткое время в Маутхаузене восстал двадцатый блок – штрафной в штрафном лагере.

Мы, словно пни, отупели,
Ослепли от крови и пота.
Нас штейнбрух швырнул на колени,
Для многих он стал эшафотом –
Ну, что же!
Мы тягостным сном равнодушья заснули...
Тогда его вывели.
А ветер в тот день был, как нож нацелен,
И стынь, как сталь, раскалена.
А вода лилась,
лилась, лилась, лилась...
И лёд схватил его,
Как пламя схватило Джордано Бруно.
Вдруг мы опять ощутили муки –
Его муки,
И волю –
Его волю,
И ярость –
Ярость бойца.
В тот день,
Когда ветер был бритвы острее,
К жизни нас подняла
Боль Прометея.

Гунар Курпнек

